

поэтому менѣе могло быть основаній—надѣяться найти въ ней образчикъ правильнаго и изящнаго языка. Между тѣмъ знакомство съ нимъ убѣждаетъ насъ въ этомъ.

Какъ раньше сказано, языкъ рукописи славянскій, точнѣе сказать новославянскій, т. е. не такой, какимъ мы его встрѣчаемъ въ Остромировомъ или Ассеманіевомъ Евангеліи, Изборникахъ Святослава и др. древнѣйшихъ произведеніяхъ древнерусской письменности. Болѣе всего языкъ *Повѣсти* напоминаетъ языкъ степенныхъ книгъ, отличаясь отъ него опять таки большею простотою, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ замѣтно подражаніе другимъ историческимъ памятникамъ и заимствованіе изъ нихъ. Правильность языка *Повѣсти* проявляется прежде всего въ синтаксическомъ отношеніи. Авторъ излагаетъ свои мысли, за рѣдкими исключеніями, рѣчью не періодическою, а отрывистою и выражается просто и ясно. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ довольно обширныя фразы, связанные союзами, то это не періоды, а простыя предложенія, соединенныя по способу сочиненія, которыя легко раздѣлить и легко усвоить при чтеніи. Вотъ на примѣръ какой, повидимому, многообъемистой фразой заканчивается глава „о нашествіи на Россійскую землю ординскаго царя Батыя“. „Овый же благочестивый мужъ видѣ въ себѣ пресвятыя Богородицы неизреченную милость, яко изволила его такою милостью присѣтити и предивное зрѣти чудо и недоумѣвался, что сотворити, но повѣда о семъ преславному чудеси, о обрѣтеніи образа Пресвятыя Богородицы клевретомъ своимъ, и вкупѣ совѣтъ благъ сотворившимъ, на горѣ часовню создаша, и той образъ Пр. Богородицы поставиша въ той часовни, и сотвориша колѣнное преклоненіе, и воздавши благодареніе, отъ того мѣста отыдоша; по вре-